

ческой доктрины об императорской власти как верховной власти универсальной христианской империи и кризис в отношениях Византии с латинским Западом.

Докладчик констатировал, что в 1071 г. — после битвы при Манцикерте и падения Бари — был положен конец императорской власти в Византии в том ее виде, какой она имела при Василии II и его предшественниках; с этого времени в результате все углублявшейся пропасти между мифом и реальностью идея универсальной христианской империи с византийским василевсом во главе, проводившаяся Византией на протяжении многих столетий, переживает постоянный кризис.

И. Мейендорф присоединился в своем докладе к тем историкам, которые, отмечая упорство и последовательность в отстаивании византийскими идеологами теории единой и универсальной христианской империи (интерпретировавшейся еще Евсевием Кесарийским как провиденциалистское выражение земной власти Христа), указывали в то же время на ту гибкость и реалистичность, какие Византия неоднократно проявляла, практически реализуя эту идею в зависимости от конкретной политической ситуации (в X в. это уступки Византии Симеону Болгарскому; при Комнинах — принятие западных принципов вассалитета, постепенная адаптация византийских императоров к политическому плюрализму внутри считавшегося прежде единым христианского мира). Компромиссные шаги, которые предпринимались Комнинами для реализации универсалистских претензий их предшественников (переговоры с папством и германскими императорами), не смогли увенчаться успехом по той причине, что византийская идея универсализма была несовместима с идеями универсализма папского и германского.

Византийская идея универсальной империи, отметил докладчик, была мифом еще при Юстиниане, однако реальная власть, которой обладали Юстиниан и Василий II, делала эту идею потенциально правдоподобной. После 1071 г. и особенно в 1204 г. конкурирующий с византийским универсалистский миф, исходящий из Рима, фактически одержал победу, причем многие греки и балканские славяне скорее были готовы принять идею универсальной политической монархии римского папы, чем непосредственную власть латинян в Константинополе. Коронация папой в 1204 г. Калояна Болгарского, в 1217 г. — Стефана Первовенчанного Сербского, в 1253 г. — русского князя Даниила Галицкого была вызвана исключительно политическими мотивами, являлась признанием политической реальности *de facto*.

В период с 1204 по 1261 г. в Византии наблюдается переход от идеи универсализма к политическому и церковному плюрализму. Важные идеологические последствия имело здесь, по справедливому замечанию И. Мейендорфа, соперничество за императорскую корону между Эпиром и Никеей, вызвавшее теологические и канонические споры об авторитете вселенского патриарха. Коронация Охридским архиепископом правителя Эпирского царства Феодора Ангела в качестве императора ромеев в нарушение прерогатив Никейского патриарха, коронация последним Феодора Ласкариса привели к новой политической ситуации, в которой соотношение ролей императора и церкви изменилось в пользу церкви, ставшей, по мнению докладчика, воплощением единства православных народов Восточной Европы. Признание Никеей автокефального архиепископа Сербии в Охриде и нового патриарха Болгарии в Тырново свидетельствует в то же время об отказе патриархата от церковного централизма, не имевшего под собой почвы в XIII в. Распадение *οἰκουμένη*, управляемой одним императором и одним патриархом, представляло собой необратимый процесс, плюрализм империй и патриархов был исторически закономерен. Византийский император превращается в главу эллинов.

Однако идея универсального христианского мира не исчезла в XIII в. в Никее и вновь возродилась после восстановления империи в 1261 г.;